

Наши публикации

Виктор Астафьев

Культура. -1993. -30 апр. С. 12.

ИЗ НОВЫХ «ЗАТЕСЕЙ»

ПОСЛЕДНИЙ ТРАГИК РОССИИ

Так мой знакомый кинорежиссер называет Великого русского артиста Николая Константиновича Симонова. Он снимал его в средненьком кинофильме «Где-то есть сын» по мотивам тоже средненькой повести Дмитрия Холендро. Николай Константинович не только охотно снимался в этой картине, но и являл собой пример старательной скромности, учтивости, товарищеского участия, приходя на съемочную площадку, сидел в стороне, под палящим крымским солнцем, терпеливо ждал, когда его пригласят на работу. Ни режиссеру, ни младшим братьям по работе мэтр нашего театра и экрана не сделал ни одного замечания, не позволил ни одного каприза и если как старший, более опытный товарищ что-то подсказывал молодым, то, смущаясь, потирая руки, говорил: «Извините, мне кажется, это сделать лучше вот таким образом...» или: «Я бы вам советовал произносить эти слова помягче...», на что однажды молодая актриса — этакое бойкое дарование из новой плеяды — отшила Николая Константиновича следующим образом: «Я ВГИК кончила! И вы еще будете мне указывать...», после чего Симонов никому уже ничего не подсказывал, а режиссер выбыл из съемочной группы это юное дарование, окончившее ВГИК.

Я видел Николая Константиновича в городе Чусовом задолго до встречи с кинорежиссером и до всех тех давних событий. Было это в ту невероятную пору, когда во все русские, в том числе и залюстные города неадекватные столичные кино- и театральные знаменитости, ансамбли, хоры, капеллы, тещы, юмористы, танцоры, даже футбольные команды из высшей лиги, и однажды местная команда «Металлург» чуть было не разгромила мое любимое московское «Торпедо», поведя в счете уже в первом тайме четыре — ноль, но после перерыва встали за дело Воронин, Манюшин, Ленева — и матч завершился со счетом четыре — четыре. В соседний же город Лысьву явившееся почти дублирующим составом киевское «Динамо» и вовсе проиграло с разницей в два мяча.

Вот такие времена были на дворе!

И вот в богоспасаемый город Чусовой явился Николай Константинович Симонов. Не веря глазам своим, я несколько раз прочитал скромную рекламу на черном от копоти деревянном заборе: да, тот самый с «Петра Первого» всем известный и любимый артист выступает в клубе металлургов. Клубишко этот, деревянный с покатою, почти опрокинутой сценой, с покатым полом, доживал свой век. Пахло в нем не металлом, хотя город весь металлом занесен, хомутами пахло, прелыми колхозными хомутами и еще лоптаными льяновыми пахло, хотя в лоптах здесь уже давно никто не ходил. Именно в этом клубе произошел случай, который сделался историческим анекдотом, свидетельствующим о том, как пронизано было наше передовое общество единым коллективным сознанием. Выступал в клубе металлургов как-то цыганский ансамбль, цыгане в котором были сплошь картавы и больше смахивали на евреев, кавказцев, молдаван и еще на какие-то чернявые и смуглые нации. Тишина в клубе, благоговение — и вдруг вопль: «Помотай! Говорю, помотай, гад!» — включили свет и зря: сверху мочится пьяный директор клуба, перепутавший баллон с гальюном, и попадает мощной струей на голову одного и того же трудящегося. Вот трудящийся, жаждущий справедливости, орет, чтобы и другим братьям по классу пошло...

Вот в этом-то полусгнившем клубе выступать знаменитому артисту! Господи, помилуй, пошто же это он, сердешный, согласился-то? Ну, может, покажется, поговорит маленько, остальной же концерт поведут его спутники, товарищи его по искусству.

Все равно пойдём, решили мы с женой, хоть на живого Симонова поглядим.

Легкой походкой, стройный, изящный, в сталисто-сером костюме, в вольно расстегнутой белой рубашке, улыбаясь такой знакомой по «Петру Первому» широкодушной улыбкой, вышел артист на сцену и низко-низко поклонился народу,

по-русски коснувшись рукой земли, этой же рукой коснулся лица с крупными, по-мужицки выразительными, былинными чертами, которые, однако, не стирали с лица того утонченного благородства, которое дается не отборным питанием, но хорошим воспитанием, чаще — самовоспитанием, отмеченным умом, которым еще надобно умело и пользоваться.

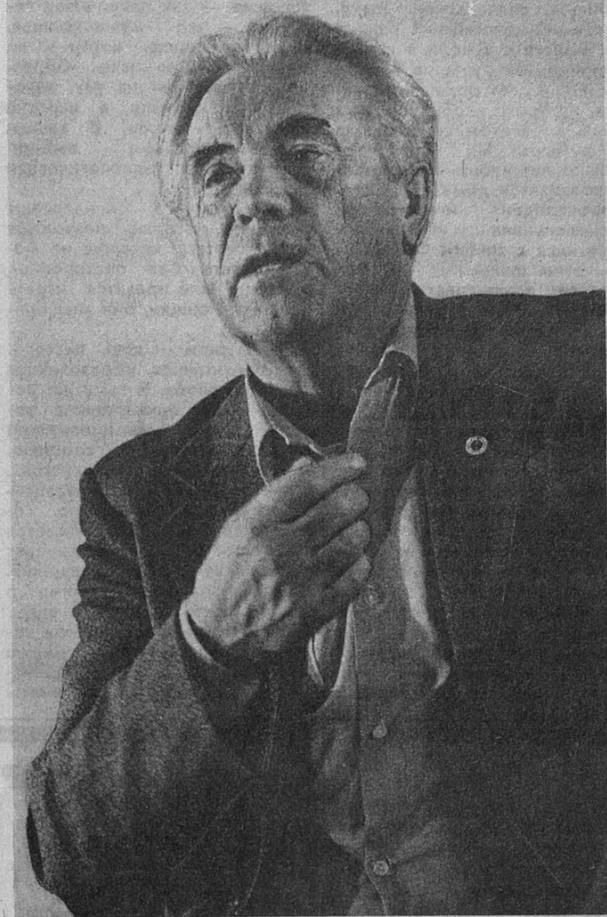
Он работал на сцене почти три часа, и я был потрясен на всю жизнь умением его владеть аудиторией, слушателем, сольясь воедино с этой, самой что ни на есть распростетской, рабочей публикой, не фамильярничая, не подделываясь под нее, не угоджая ей и тем более не потрафляя дурным вкусам. Пребывая на сцене вроде бы в отдалении, он все время был с нами, проникнув в наши души, доверчиво и преданно ему открытые. Когда он резковатым голосом с хрипотцой, наполненным мощью задышлого, страстного дыхания, прочитал монолог Петра, чусовская публика какое-то время сидела обмерши и не вдруг зааплодировала. Я понял, что великому таланту дано умение не только самому преобразиться, но и преобразить нас, зрителей, народ наш, доверчивый слову и мольбе о добре и счастье доступный, только вот отстранил нас от милостивого божьего слова, вместо проповедника и гения сатану подпустил, и она или оно с обликом сатаны, крикливое, бодливое, полуграмотное существо под названием пропагандист засоряло нам мозги шлаком и мусором новых идей, нового, передового, визгливого искусства.

В ту пору я работал в местной городской газетке и написал заметку о прошедшем в клубе металлургов концерте великого артиста. Ныне, собираясь писать о Симонове, я попросил прислать мне ксерокопию с того давнего материала и убедился в том, что опус мой достоин того времени и газеты, в которой был напечатан, — жалкие слова, провинциальный лепет о таинстве, о волшебстве слова и вдохновенной работе гениального человека, которому совершенно было неплавать, где он выступает, в клубе ли, пахнущем хомутами, или в посредственном фильме — он не мог, не умел жить и работать недостойно того дарования, которым наградил его создатель, и в даровании том первое место занимали почти-тельность и уважение к человеку, которому он служил и дарил всего себя без остатка, будь тот человек из достоянного Петербурга или из закопченного уральского городишка Чусового, давно забытого богом и до боли любимой нашей советской власти.

Я живу в провинции, по духу своему провинциал и оттого смотрю телевизор много и внимательно. Мельтешит и мельтешит на нем пробойный люд от искусства, часто эксплуатирующий лишь свои природные данные. Вот уехал один дурак за море, дурака у нас изображавший, и там дураков играет, русских дураков, только одетых в американский пиджак. Не успел этот дурак нас покинуть, тут же замелькал на экранах другой и тут же стал любимцем публики. Дураков мы всегда любили и жалели больше, чем умных. Возсе не выходит из «окна» в преисподнюю один верткий артист, режиссер и общественный деятель, от хлопот и забот вовсе облысевший, оседлал телевизор, как рысак. Два деятеля из ближнего зарубежья, из Грузии и Узбекистана, наловчившиеся банальности выдавать за новаторство, и одна, якобы все время давняя, гонимая режиссерша все вынимает и вынимает из-под прилавка киношедевро, которые народ наш не понимает и не смотрит, дамочка с детским личиком, подделываясь под детсадовку, удостоилась телереспекции. Все, все, маломальски произносящие чего-то, через голову кувыркаяющиеся, с намазанными румянами щеками, искажая и без того искаженное русское слово, чего-то говорят смешное, храбро выкрикивают под гитару или музыкальный ящик что-то критическое про власти и порядки наши. Кто спорит, может, все это и нужно, и люди на экране иногда появляются достойные, с достойными лицами и умными мыслями...

Но, люди добрые, отчего же не уступите вы место, не отодвинетесь, не уберете острые локти, чтобы пропустить на экран, а значит, и к нам великих людей недавнего прошлого?

Я уверен, что все современ-

ные артисты, когда речь пойдет о Симонове Николае Константиновиче, освободят от себя экран. Иль вы боитесь, что они, наши любимцы, вас затмят? Но вот же то же телевидение начало разбавлять бесовство современных шаманов искусства классической музыки — и ничего: одно другому не мешает... Так покажите же хоть раз все фильмы и спектакли с участием последнего трагика России. Помогите нашему преображению!

ШУТОЧКА

Как-то собрались мы вологодской писательской дружиной, в ту пору еще очень соединенной, братски встречать Новый год в нашей большой квартире, куда я только что переехал.

Должно быть, очень весело было, хотелось нам не только петь и плясать, но и озоровать. Тут кто-то кому-то решил позвонить и в новом телефонном справочнике наткнулся на фамилию Барклай-де-Толли.

— Братва! — заорал гость. — Давайте позвоним Барклаю-де-Толли, поздравим его с праздником, а?

— Какому Барклаю-де-Толли?

— А хрен его знает! Вот в справочнике есть такая фамилия

Надо заметить, что город Вологда, древний русский город, и если покопаться в его истории, такого накопашь, что и дух захватит. Всякие исторические редкости в справочниках всяких можно повстречать — ведь одних только пленных французов после Отечественной войны 1812 года сюда поселено было несколько тысяч, всяческие смуты российской крутой волной прибывали к вологодским берегам всяческих людей и людшек. Здесь, конечно же, и Сталин бывал, и родственники Ленина — где только эти пройдохи не побывали! Здесь совершил свою историческую аферу юный прощельга-дворянчик, подаривший замечательный материал для бессмертной комедии «Ревизор» бессмертному Гоголю.

Словом, на Вологодчине не соскучишься!

Кто-то из наиболее трезвых вологодских писателей, но скорее из их рассудительных жан предостерег веселую компанию — вдруг, мол, это лицо с исторической фамилией и в самом деле является родственником достоянному полководцу России, и что тогда? Вы, мол, хоть жеребачий тон сбавьте, лучше же совсем человека не беспокойте — время позднее, а он, Барклай-то, де-Толли, скорее всего человек уже преклонных лет.

Но предостережение лишь подстегнуло компанию, идея, как известно из хитроумного учения, овладевшая массами да еще подвыпившими...

Позвонили, вежливо поздоровались с женщиной, со споконным благородством в голосе, которое дается лишь родом и воспитанием. Нам было отвечено, что да, это квартира Барклай-де-Толли и он еще не

— Пошутили, мля.
Поэт Коротав дрожащей рукой налил себе палый фужер водки, выпил ее махом, персонально, и мы не перечили — заработал! А он еще налил и уж почти восстановившимся голосом бодро возгласил:

— За свяную русскую историю! За русский народ!

Зазвенели рюмки, пошел разговор с уклоном на патристическую и историческую линию, песни родного отечества зазвучали, но все не проходило чувство неловкости от наших легкомысленных намерений кого-то разыграть, высмеять. Поэта Коротав целовали за то, что он так героически, с достоинством вышел из щекотливого положения. Поэт Коротав радовался себе, тряс мокрой бородой, в которой, как всегда к середине вечера, торчала рыба кость, и от умиления плакал.

С тех пор, собираясь вместе, перед каждым Новым годом мы торжественно поздравляли правнука великого полководца Барклай-де-Толли, желали ему всего хорошего, и он нам тоже, а вот собираться сходиться к нему, побеседовать все не решались, и однажды тот же, благородством преисполненный женский голос мягко и грустно сообщил нам, что не может пригласить к телефону Николая Васильевича — нет его больше с нами.

Я помню, как печально всем нам было, как не задался праздник, и, думаю, не одного меня, но всех воложан, моих спутников и товарищей по труду, до сих пор угнетает какое-то смутное чувство неосознанной вины и неловкости.

ВОСТОРЖЕННЫЙ ИДИОТИЗМ

Жил-был на свете Бодисч. Секретарь цэка компартии Молдавии, по-ранешнему — царь. Он долго и здорово правил на бессарабской земле, разоряя ее и губя беспощадно во имя коммунизма и неслыханной дружбы народов.

И бездельников плодил, как тля или древесная гусеница, высыпая облаком беспрерывный прожорливый помет. И бездельники, в первую голову оставившие, обожали своего партийного царя, тянулись к нему со всех сторон, особенно краснорожие высокопоставленные чины, выслушившие высокие пенсии, хорошо отточенным нюхом чующие не только пададь, но и сладкий корм.

Однажды на празднике Победы битый молью, недалекий умом, но хитрый и коварный разоритель Молдовы провозгласил здравичу покойному Сталину, и дубастая, тулая масса устроила получасовую овацию — вот столь упрямой долести и преданности своему времени, своим вождям скопилось в грудях большевистских молодцов В парке города Кишинева, заставленном гипсовыми и бронзовыми бюстами и скульптурами любимых вождей, был возвращен вене искусство: красивые яблоки заставили так расти на ветвях, что, алой вязью сплетаясь, те молдавские яблоки образовывали слова — «Слава КПСС» и еще что-то в этом духе. Хитрый, мастеровитый садочник держался как величайший творец, сдержанно и достойно, но партийные шестерки, его представляющие, били четку вокруг тех чудодейственных идейных растений, кричали чего-то высокохвалённое товарищу Бодюлю, и его покровителю товарищу Брежневу — тогда же один из представителей братской делегации, ленинградский остроумец и поэт Михаил Дудин назвал это восторженным идиотизмом. Да какой с него спрос, с поэта и вечного юмориста? Неразумное дитя своих родителей, моральный урод героического времени.

Отставникам-то, краснорожим молодцам, густо заселившимся Крым, юг Украины, Молдавию и другие солнечно-виноградные места, очень все тут гляньюлось, от яблонь, патристически растущих, до вождя Бодюля, сгубившего во имя пламенных идей и своей карьеры родную республику. Это они, отставники да недобитые приживалы, визжат сейчас об утлении русскоязычного населения, боясь за свою шкуру, не больше за свое нахапанное добро и солнечные утренние местики.

Остальным русскоязычным бояться нечего — бери шинель, иди домой, к нам, в Сибирь, либо в старорусские земли Яблоки и виноград, да еще этаким вот идейно-направленным манером тут не растут, но полоса земли для жительства, кусок хлеба и толика тепла в пока еще живом российском сердце всегда для них на родине найдется.

— Благодарю вас! Я в свою очередь поздравляю вас и ваших товарищей с Новым годом и желаю всем вам того же самого, чего любезно пожелали и они мне, — доброго здоровья, ну, разумеется, и успехов на литературном поприще. Надо вам сообщить, что я слежу за работой ваших товарищей, читаю, что мне доступно, и почтительно отношусь к вологодским писателям за то, что они не роняют достоинства русской словесности. Желаю вам весело встретить Новый год!

— Благодарим вас, — совсем уж хриплым, совсем уж потный и протрезвевший сказал поэт Коротав, бережно опуская трубку телефона и, опустив ухе ее, вдогонку добавил: — Очень благодарим вас! Все!

Тихо и отчего-то на цыпочках вернулись мы к столу. Самый из нас трезвый или опять же кто-то из рассудительных жен язвительно произнес:

— Ну что, пошутили?!

В. Астафьев.

Фото А. Сизухина.